

Школа инструкторов туризма
Москва, Полянка, 45

**УРАЛЬСКАЯ
ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ**

ДНЕВНИК

Школа инструкторов туризма
Москва, Полянка, 45

УРАЛЬСКАЯ
ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ

ДНЕВНИК

1960—2006

*Светлой памяти,
друзей нашей юности,
которых уже нет с нами.
Они поистине прекрасны.*

Дорога

Урал... Это слово почти всем из нас казалось совсем недавно недосягаемым. Мы представляли себе довольно высокие горы, густые леса, шумные реки; нам казалось, что все здесь необыкновенно.

И вот мы на Урале. Стоит выйти из палатки, и ты можешь видеть Урал собственными глазами. Наш лагерь стоит на берегу небольшой речушки Джаман-Акжар. В переводе с казахского эти два слова означают 'плохой белый берег'. Если отойти за палатки метров на 20, то попадешь в заросли дикой клубники. Недалеко от нас поселок геологов и горняков. Днем здесь шумно, но это не горные речки, а экскаваторы, которые добывают разные полезные камешки. А если выпрямиться во весь рост и посмотреть вокруг, то не только Ваня Селин и Саша Атапин, а даже Саша Бобров и Виталий Владимирович не увидят ничего, кроме бесконечной желто-зеленой степи.

Сильные впечатления начались с дороги.

Поезд «Москва – Магнитогорск» отходит с Казанского вокзала в 0 час. 30 мин. Это, по-моему, звучит!

Мы идем по оживленной вечерней Москве. У всех тую набитые большие и маленькие рюкзаки, кое у кого в руках ведро или привязана к рюкзаку палатка. Нас провожают очень много май и пап и вообще родственников. Все официальные лица решили, что туристов очень много раз провожали на сборы, пора бы им и самостоятельно выйти в поход. И мы в этот раз не слушали никаких торжественных

напутствий, просто посидели на дорогу, простились с оставшимися в Москве хорошими товарищами, поцеловали мам и пап, вообще родственников и...

Поезд тронулся. Сначала перед нами поплыли огоньки московских домов, потом пригородные поля, поселки, леса и снова поля и поселки. Это все родное Подмосковье. Ну, до свидания, Москва и Подмосковье, наш поезд идет на Южный Урал. Как только устроились немножко с постелями, вещами и первыми бутербродами, наше внимание привлекло расписание. Пока еще сухими для нас буквами здесь было написано то, что предстояло нам увидеть за двое с половиной суток дороги.

Мы занимаем два купе и несколько отдельных мест. В первую ночь все отдельные места, одно купе и половина другого спали, лишь два верхних места в крайнем купе, часов до трех ночи делились своими впечатлениями, сначала на весь вагон, а потом чуть потише и вызывали гнев сонных пассажиров и Вани Селина.

* * *

Два наших купе... Это какой-то свой, особый, пассажирский туристский мир. В отличие от просто пассажирского здесь не только спят, едят, смотрят в окно, но и чинят матросские робы для будущей работы в геологической партии, подсчитывают, сокрушаясь о количествах, общественные финансы.

* * *

Большинство из нас впервые едет в поезде больше суток. Все сошлись пока на том, что ехать в поезде приятно.

* * *

На редких станциях вся наша братия высыпает на перрон и избранные единицы в лице Белова, Боброва и Земской шпарят со звоном сдавать бутылки. Денег у нас мало, поэтому предметом наших вожделений служат тарелка обыкновенного борща или бутылка воды.

Необходимо отметить, что во время дороги на нас нападала удивительная сонливость и увидеть группу в полном составе можно было только в полуденные часы. К этому времени ко всеобщему изумлению пассажиров ребята оживали буквально на глазах.

Все начиналось с того, что на какой-нибудь станции побольше на перрон вылетало ведро вместе с Сомовым и Доровской, затем, чинно поглядывая вверх, вниз и по сторонам значительно улыбаясь, выпрыгивали из вагона общественные финансы с тонким чутьем и несколькими десятками рублей в кармане. «Очередь занята, борщ налит, с тайным вздохом выложены на стол деньги, и вот уже ведро с борщом и другое (с чаем) водворены в чье-нибудь купе. Но это все несущественные детали, главное начинается с того момента, когда дан последний свисток и поезд с небольшим рывком двигается с места.

Сначала медленно опрокидывается на бок кружка с цветами, потом очень ехидно выплескивается на пол треть горячего чая из ведра, нахальный борщ все выше подбирается к краю посудины. Сейчас же все силы бросаются на спасение пищи. Борисов в страхе хватает оба ведра и держит их на весу, покачиваясь в такт движения поезда.

Злоба и отчаяние вдруг изображаются на лице Сережки. В бессильном гневе опускает он ведро на пол, проклиная все на свете и того человека, который поставил его на эту адскую должность. «Ух», — сказал змей-Ванька и встал на Сережкино место. Он взял столовую ложку и, яростно вращая глазами, принялся вкручивать чаю мозги. Данный факт спас наши желудки от голодной смерти. Потрясенный таким маневром, чай на минуту занимает позиции второго эшелона.

Наконец все как будто бы встает на свои места и в купе устанавливаются относительный покой и тишина. Лишь изредка слышится нервный скрежет металла о металл.

Уста жуют, но тщетно — лишь 30% содержимого котелка проходят соответствующие инстанции, а львиная доля оказывается на одеяле, а в лучшем случае на полу, и к концу трапезы под нашими ногами разливается борщ-океан.

Когда поезд подходит к следующей станции кто-нибудь уничтожает тряпкой остатки битвы, напевая себе под нос: «Славное море, священный Байкал», остальные замирают в лежачем положении до первого киоска с заветными бутылками.

Волга

Нам, наверное, придется когда-нибудь рассказывать о своих дорожных впечатлениях, и каждый сделает это по-разному. А потом собеседник обязательно попросит рассказать о том, что оставило самое сильное впечатление, и тогда, я думаю, каждый расскажет об одном и том же. Я бы рассказал об этом так.

Мы проезжали Ульяновск вечером. На город опустилась ночь, но он не спал. Он светился мириадами огней, которые переливались ярким неровным светом, гасли где-то вдали и вновь вспыхивали, казались еще ярче...

И глядя на огни города, я подумал: «Много туристских маршрутов начинается отсюда, а еще больше закончатся здесь у скромного домика Ильича или в Ленинской комнате на здешнем вокзале. И даже, может быть, сейчас, в эту самую минуту где-нибудь, недалеко от Ульяновска, там, где еще не перестели гудеть рельсы от того, что прошел наш поезд, где-нибудь там пылает сейчас большой яркий костер. Сидят у костра туристы, далеко в ночном лесу слышны хорошие их песни. А может, нет никого у костра. Устали ребята сегодня, и завтра предстоит им нелегкий путь».

Я с невольной гордостью думаю, что среди ребят, которые войдут через несколько дней с рюкзаками в Ульяновск, будут туристы и Москворецкого района. И даже не исключена возможность, что будет бродить по улицам Ульяновска сияющая физиономия Кольки Кириллина, хотя и никудышного, но все же инструктора нашего первого выпуска, нашего товарища...

Как только поезд тронулся, все мы буквально прилипли к окнам, немногочисленные счастливцы успели занять

места у выбитого окна в тамбуре. С первого взгляда кажется, что всех больше занимают обыкновенные огни города, но никто из нас ни на минуту не забывает о главном: мы ждем ВОЛГУ.

И вот колеса поезда загрохотали по мосту. Все проникли к окнам, стараясь рассмотреть в темноте знаменитую русскую реку. Она предстала перед нами огромной, освещенной огнями причалов и бакенов, затянутой ночным туманом. Я стоял и думал, сколько же дорогого, замечательного связано у любого русского с этой рекой. Мне, почему-то показалось, что если поезд вдруг остановится и я выйду из вагона, то непременно увижу маячящих в темноте всадников и шатры. В голове упорно сидела мысль о том, что, может быть, на этот самое место около 200 лет назад разевались знамена и стучали копыта мятежных казацких коней, может быть, именно здесь стояла со своими полками легендарная Алена-старица.

Я попытался еще что-нибудь представить, но мост кончался, и я поспешил последний раз высунуть голову. Потом все кончилось, но я такой и запомнил Волгу, черную гладкую русскую реку.

* * *

Все мы настолько были убеждены в недосягаемости Урала, что даже на второй день пути нам казалось, что мы едем где-нибудь по Подмосковью и скоро наша станция. Поэтому понятно, какое впечатление произвели на нас первые, большие настоящие холмы, а особенно первые скалы. Мы проезжали отроги Уральских гор.

Урал! Сколько видели на своем веку твои приземистые могучие утесы. Смотришь на твои скалы и думаешь, не донесет ли эхо из глубины ущелья какую-нибудь вольную казацкую песню, не выедет ли из-за поворота на верном коне удалой казак.

Нет, не доносится песня, а из-за поворота, ритмично стучав колесами, показывается встречный товарный состав. Можно пропустить состав и подосадовать на него за то, что

скрыл он на время могучие скалы, но лучше увидеть на платформах и сквозь стекло вагонов трактора с Челябинского завода, станки в машины с Уралмаша или еще что-нибудь из тех самых Оренбургских степей, по которым гулял со своей дружиной смелый казак Емельян Пугачев.

* * *

Вечером 2 июня мы проехали Златоуст. Вскоре все вышли в тамбур и самым внимательным образом начали вглядываться в темноту. Всякий представлял себе столб с дощечкой, на одном конце которой было написано «Европа», а на другом: «Азия», но, увы и ах, столба не было. Все были огорчены.

* * *

Ночью был Миасс. Саша Бобров обещал разбудить Земскую, чтобы отыскать знаменитый миасскит, но прекрасно проспал всю ночь. А Земская проснулась и решила, что не стоит делить миасскит с кем-то другим. Подозревается, что знаменитый камень до сих пор хранится где-то в тайных углах ее рюкзака. Вообще-то миасскита никто не видел.

* * *

Под местное утро приехали в Челябинск. Город спал, вокзал пустынен. После Челябинска ночные приключения были окончены. Все вскоре разошлись и уснули с одной мыслью: завтра — Магнитогорск.

* * *

К величайшему сожалению, нам не удалось увидеть Магнитогорск и Урал-реку. Нам пришлось сойти на станции Карталы, перед самым концом пути. Отсюда поездом едем до Шильды, а там совсем недалеко до Теренсайской партии, в которой нам предстоит работать.

Шильда

Мы и не представляли, что она, а точнее небольшой пристанционный вокзал, сделается нашим времененным пристанищем. Дело в том, что машина из Теренсайской партии, которая должна была подойти к поезду Свердловск – Оренбург, почему-то не подошла, а мы...

Мы с радостными лицами вышли из поезда, надеясь через час (буквально через час!) быть в Речном. Но машины не оказалось, а так как было уже около 6 вечера, да к тому же воскресенье, то надо было подумать и о ночлеге. Посидев некоторое время на перроне (читали книгу вслух), мы пошли на вокзал.

А машина все-таки была! Это мы узнали уже на следующий день у начальника партии. К сожалению, машина пришла к поезду Оренбург – Свердловск. Какая досадная случайность!!! Но Виталий Владимирович успел сообщить через водителя самосвала, отправлявшегося в партию, о нашем приезде.

Было все же мало, очень мало шансов на то, что за нами кто-то приедет.

* * *

И вот мы устроились на ночлег, составив график дежурства ночью. Через несколько минут, уютно расположившись на деревянных диванах, стали засыпать мои товарищи по экспедиции. Спит Лариса на диване у стены. Заснули Кулагин с Виталием Владимировичем, превосходно, на мой взгляд, разместившись на двух рюкзаках. Только Ваня Селин, решивший не спать всю ночь, читает «Ходжу Насреддина», ожидая своего дежурства.

* * *

Ура! Мы спасены. Машина приехала. Это произошло уже в первом часу ночи по местному времени. «Кто тут на Речное?» – сказал вошедший человек. Это, безусловно, относилось к нам. Через несколько минут мы трогаемся к машине, надев привычным движением рюкзаки.

* * *

И теперь, когда мы едем по степной дороге, перед глазами встает образ шофера со слегка воспаленными глазами, и невольно хочется поглубже взглянуть в его чуть сероватые глаза.

* * *

Представь себе день этого человека. А этот день нелегок. Несмотря на то, что было воскресенье, он также как и в обычные дни, в шесть часов утра вышел на работу. Целый день он ездил по дорогам, перевозя породу на отвал, к тому же совершил уже 2 рейса в Шильду. Его рабочий день давно кончился, и все-таки он снова едет по степи, заботливо сбавляя ход на бесконечных ухабах...

Вдали показались огни поселка, машина сделала последний поворот и остановилась. Несмотря на поздний час, нас ждали. На тихом ходу машина подошла к школе. Мы поблагодарили шофера и отправились спать. Вскоре мотор снова заурчал, но машина не пошла в гараж. Через полтора часа начинается обычный трудовой день партии и Володя Петухов — так звали нашего шо夫ера — так же, как и все, в 6 часов утра должен был снова завести мотор своей машины.

* * *

Вот и кончилась наша дорога. Даже не верится, что мы проехали 3 тысячи километров, но факт остается фактом — перед нами та самая степь, о которой написано в учебнике географии для седьмого класса. Но нам сейчас совсем не приходят в голову книжные строки. Только если кому-нибудь из нас придется говорить о степи, то он с полным правом скажет: «Я видел».

Первый день работы

И вот мы впервые вышли на работу. На улице было пасмурно. Уже который день жаркое степное солнце скрываеться от нас за мрачными тучами.

А тогда... Нас вдруг перестал пронизывать ветер, капли моросящего дождя, казалось, пролетали мимо, а мы весело шли строем с лопатами на плечах и совсем не старались делать вид что нам-де выходить на работу не впервые. Ни у кого не было очень серьезных физиономий, разве что у «Боцмана». Наш «Боцман» уже давно имеет паспорт и в отличие от нас, «салажонков», работа для него абсолютно обычное дело, но несмотря на все это, я совсем не уверена, что наш морской волк забыл тогда улыбнуться...

Перед нами небольшой котлован для гидроустановки. Вокруг него куча земли. Подойти к котловану невозможно, того и гляди поскользнешься и упадешь, а ведь здесь будут работать люди.

Все заняли свои места и очень серьезно начали перекидывать лопатами мокрую глину. Это, как выразился Виталий Владимирович, тяжелая, неблагодарная, но очень нужная земляная работа.

Один за другим ребята, не обращая внимания на дождь, стягивали с себя робы, фланелевки. Все как-то сразу посерезнели, и первые полчаса было слышно лишь шуршание лопат и стук падающих комков глины.

Но вот тишину потряс взрыв хохота. Передо мной мелькнули чьи-то ноги. Поднимаю немного голову и в углу ямы вижу непонятно как туда попавшего Боцмана. Теперь и я не могу удержаться от смеха, а ему-то, должно быть, несладко, но... он цел и невредим, вымазан в глине и удивленно испуган. Он сам, его падение и его вид дали пищу для дружеских насмешек. Чего только ему не говорили, каких только не было предложений. Думаю, что «Боцман» в те минуты согласился бы еще раз очень сильно упасть в яму, только бы избавиться от наших незлых колкостей. Ведь наш Юрка, в общем-то, скромный парень!

Работа совсем двигалась к концу, когда вдруг дождь полил еще и еще сильней. Стоять на скользкой глине стало почти невозможно, но мы все-таки закончили работу и только тогда под проливным дождем мокрые, грязные, счастливые и очень гордые в душе ушли в наши палатки. Наш первый трудовой день был закончен.

Степь

Она началась еще в пути. А все мы ждали горы и думали о ней: нудная, скучная. А когда приехали на место, то оказалось, что придется нам жить и работать в этой самой скучной, мертвой, как нам показалось, степи. Но еще по дороге в партию мы имели возможность убедиться в том, что она совсем не похожа на ту, которую все себе представляли. Мы ехали на машине и удивлялись тому, как наш шофер свободно находит одну-единственную нужную дорогу из множества пересекающихся и неизвестно куда поворачивающих дорог.

Время от времени наступало молчание и мы, старательно вытягивая шеи, вглядывались в черную степь, а машина мчалась по ухабистой дороге. Из-под колес то и дело выпрыгивали то полевки, то суслики, то тушканчики. А в наступившей тишине раздавалось негромкое гудение Белова и звонкий заливистый смех Хоттабыча. «Счет 6:7 в пользу полевок», — радостно комментирует Виктор. Так мы открыли, что степь живет...

Потом захотелось спеть, перебрали все известные нам песни, но нигде не спели больше двух куплетов. По какой-то неясной причине пение явно не клеилось. А дорога убегала все дальше. Но вот кто-то затянул «Дороги», старую и раньше почему-то забытую песню: «Эх, дороги, пыль да туман, холода, тревоги да степной бурьян».

Песня к нам вообще-то никак не относилась, но мы пели ее снова и снова, все время возвращаясь к понравившемуся куплету: «Знать не можешь доли своей, может, крылья сложишь посреди степей».

* * *

Утром, когда мы, продрав сонные глаза, вылезли на улицу, на степь смотреть было невозможно, столько в ней было света и солнца. У нас ведь солнце совсем другое. В степи оно слепит глаза, делает все цвета яркими, необыкновенными, а мы, москвичи, привыкли к чуть приглушенным тонам.

Ночное впечатление от степи совсем исчезло, и прошло много дней, прежде чем мы снова по-настоящему почувствовали ее.

Освоились мы довольно быстро и за месяц успели испытать все прелести житья в палатках, а под стук дождя чувствовали себя вполне степными жителями и вовсе ни о чем не скучали. Только изредка нам хотелось в лес, и мы с сожалением вздыхали, разглядывая степной ковыль и низенькие, как трава, кусточки.

Я помню, как радовался Ваня Селин, когда увидел в Орске настоящие деревья и с какой нежностью положил в рюкзак сорванные по секрету от милиционера две веточки, чтобы потом показать их оставшимся в лагере товарищам.

Да, все наши полюбили степь и у каждого теперь связано с ней что-то такое, что он будет помнить всю свою жизнь.

У меня тоже есть такое вот дорогое воспоминание. Случай, благодаря которому я по-настоящему и навсегда поняла, что такая степь.

Мне пришлось заблудиться...

Это случилось накануне отъезда. Нужно было достать последние образцы для коллекции. Пришлось пойти на карьер. Это был последний мой день в степи. Назавтра мы уезжали. Очень поэтому не хотелось идти по обыкновенной черной дороге. Прямо по степи куда приятнее...

Прошло несколько времени. Карьер давно остался позади. Сначала впереди маячили крыши каких-то домов, потом и они исчезли. Кругом поднимались холмы. Казалось, что голубой горизонт сливается с их зеленью. И ничего не было видно, кроме этих холмов да неподвижно парящих в небе орлов-курганников. Я испытывала такое неприятное ощущение, что стою в самом низу какой-то чаши. Она была огромная, зеленая, жуткая; хотелось поскорее выбраться оттуда. Постепенно в меня закрадывался какой-то страх. Хотелось оглядываться на шуршания травы, бежать куда угодно.

Я пробыла в степи всего два-три часа — срок довольно небольшой, но за эти короткие часы я поняла и

почувствовала в несколько раз больше, чем за многие долгие дни, проведенные в наших палатках на берегу Джаманки. И мне стало совсем ясно, что если ты не родился и не вырос в степи и не знаешь ее, то сколько ты ее ни любил, она тебя никогда не полюбит, а мы, что ни говори, все-таки люди лесные и навсегда, наверное, ими останемся, хотя, может быть, когда-нибудь и захочется нам снова увидеть степное жаркое солнце и, высоко задрав голову, последить за полетом степного орла.

Фонари - фонарики

Что в древности давало людям свет? Солнце днем, луна ночью. Из курса истории вы, наверное, помните, что некогда был изобретен огонь, но ведь ни для кого не секрет, что человечество не может стоять на одном месте. И вот прошли века и века, человек начал использовать энергию молнии. Трудами сотен ученых была изобретена электрическая лампочка, и теперь нужно лишь нажать на кнопку, чтобы стало светло. Кажется, что может быть проще. Но так действует только фонарь, купленный в магазине неделю-другую назад. Если он в употреблении больше года, то простым нажатием кнопки его не зажечь.

Есть у нас один экземпляр, с которым нужно проделать целую серию движений и только тогда он еще подумает, зажечься ему или нет. Иногда эти движения столь разнообразны, что походят на разминку спортсмена 1 разряда.

Но все по порядку.

Снаружи это довольно странный прибор. За основу взят обычный прямоугольный фонарь, но вместо обычного маленького отражателя к нему прикреплен с помощью обрезанной консервной банки отражатель от велосипедной фары, который должен усиливать свет лампочки. Если лампочка горит, то отражатель исполняет свои обязанности, но чтобы горела лампочка, необходимо иметь замкнутую цепь, а ее можно получить, предварительно проделав сле-

дующее. Сначала нажать на выключатель, если фонарь не горит, то нужно основательно его встряхнуть, если и после этого не загорится, то проделать эти движения несколько раз до получения желаемого результата. Но это еще не все. Однажды, совершенно случайно, я узнал, что ему нужны еще и дрова.

Случилось это так: мне понадобился фонарь. Я взял его, проделал необходимые движения, но ничего не добился, тогда я решил починить фонарь. Открыл. Смотрю, контакты в плачевном состоянии. Исправил контакты, нажал на кнопку — ничего, снова отогнул, снова ничего.

Тут ко мне подошел хозяин проклятой машинки, Виталий Владимирович, взял фонарь и на моих глазах стал закладывать в него спички, через несколько минут фонарь загорелся. С тех пор у нас в отряде говорят, что фонарь работает «на полупроводниках». Понять его характер довольно сложно и не каждому под силу.

Кроме этого, наш Кулагин обладатель еще одного шедевра современной техники. Мы зовем его «Поглотителем». Он в неограниченном количестве потребляет лампочки, самые новые, которые загораются в нем не более одного раза и функционируют не более 1 секунды. По настоящему сжигается с ним в лучшем случае лишь одна из десятка. Уже не одну лампочку сжег Кулагин, держа фонарь в вытянутой руке, отвернувшись и нашептывая: «Хоть бы не сгорела».

Мне остается закончить свой рассказ, хотя я мог бы привести еще множество примеров, но я думаю, что об этом лучше всего расскажут сами ребята. Всегда приятно будет вспомнить фонари-фонарики.

Адская машина

Четыре раза в неделю мы достаем из рюкзаков свои котелки, миски и кружки: в субботу вечером и целое воскресенье столовая не работает.

Как известно, наш лагерь расположен на берегу Джаманки. У самого обрыва стоит странное, непонятное, даже, можно сказать, загадочное «сооружение». Очень

трудно определить принадлежность этого сооружения к какому-нибудь известному нам архитектурному стилю (отчетливее всего мы различаем два — готический и романтический). Основная часть приземистая, массивная, но в то же время есть стрельчатая довольно башня, которая, как и все то, что временами из нее вылетает, неуклонно стремится ввысь. Это машина марки БСП1. В наши планы совсем не входит использование этого изобретения в военных целях, поэтому мы можем представить его талантливых авторов. Вот они: Мишель Петрович Сомов и Виктор Николаевич Белов.

Но вернемся к началу нашего рассказа. Итак, столовая не работает. Рано утром в воскресенье поднимаются дежурные по кухне. Тотчас заряжается «адская машина». Вскоре изо всех отверстий начинают валить пары какого-то неизвестного вещества и через некоторое время все находящееся в радиусе одного метра покрывается черной неядовитой пылью. Все бесконечно рады: «адская машина» работает безотказно.

Но не будем больше мучить вас загадками. Все дело в том, что нас ведь окружала степь, где любая деревяшка — редкая вещь, поэтому костер был невозможен и для добычи огня нам приходилось пользоваться таким примитивным средством, как печь.

Мне вспоминается один нерешенный уральский спор. Надо сказать, что во время создания «адской машины» конструкторы в принципе разошлись в одном вопросе. Это, правда, была несколько честолюбивая личная проблема, и наличие таких «рассуждений о прочности» вовсе не изменило первоначальных чертежей, но нужно было видеть напряженное лицо Сомова и измазанные в глине руки Виктора, когда оба с абсолютно серьезными и азартными физиономиями «на спор» клали две противоположные стенки: «чья крепче!».

И, честное слово, я почти уверена в том, что уже сидя на машине и бросая прощальный взгляд на наш лагерь, каждый из них думал: «А моя простоит дольше!».

А мне – да не падет на меня гнев обоих – очень хочется, чтобы обе стенки рухнули с большим грохотом в одну и ту же секунду.

Плом

Впервые плот увидели на Джаманке как-то вечером. Я шел с ведрами за водой, как вдруг у плотины увидел пригнанный ветром к берегу дряхлый плот с дырявым парусом. Огляделась и никого не увидев, я сел на плот и с величайшими предосторожностями черепашьим ходом доплыл до колодца. С тех пор наши ребята стали помышлять о том, как бы перетянуть плот в свое болото.

Дело откладывалось со дня на день, все время находились какие-то другие неотложные дела. Так продолжалось до тех пор, пока Виктор Белов, прия однажды с работы и посопев, как положено, носом, не обратил наконец свой благосклонный взор на заброшенный плот. А так как одному ему справиться с плотом было все-таки не под силу, то он взял себе в помощники Сомова. На ходу плот окрестили, и он стал называться БСП-2.

Вскоре на помощь пришло пополнение в составе Боброва, Атапина и Селина. Разобрав плот, ребята под «Дубинушку» стали перетаскивать бревна ближе к лагерю, но те упорно не хотели покидать своего местожительства.

Все знали свои места, поднатужились и... совершив тройное сальто, Бобров оказался внизу под плотиной. Он даже испугаться не успел. Помог ему совершить этот эффектный акробатический трюк топорик, который почему-то выскользнул из бревна.

И вот все бревна перетасканы. Осталось лишь сколотить их, и наша морская флотилия может отправляться в самостоятельное плавание. Каждый предлагал свой вариант. Оказалось, что сколотить плот куда труднее, чем разобрать его. Наконец плот был готов, но теперь он упорно не желал спуститься с обрыва в нашу реку. Пришлось применить рычаг, и плот вынужден был покориться своей нелегкой участи.

Охотников обновить судно было больше, чем работников. Команда в составе Белова, Иванова и Атапина впервые ступила на борт нашего детища. Первое плавание прошло без приключений, только Селин испытал на себе бортовую качку, искупавшись и чуть не утопив свою кепку.

На следующем рейсе мы последовали его примеру. На середине речки плот вдруг стал медленно и верно уходить у нас из-под ног. У меня сердце опустилось в пятки от страха. Плот сейчас же принял вертикальное положение, и «Боцман» очутился в прохладной воде по одну сторону, а лопата, которой мы гребли, по другую. Мы с Беловым стали подтрунивать над нашим морским волком, но вода и нас немного охладила. Мокрые, мы повернули назад, но так как было жарко, то плот решил освежить нас вторично, мы снова очутились в воде.

Первые купания только укрепили желание изучить плавучесть плota. Бобров, Селин и я отчалили от берега. Скоро мы по-настоящему и всласть насладились всеми прелестями плавания под плотом с ежеминутным перемещением под водой от одного борта к другому. Это шло совсем вразрез с нашими планами. Ей-богу, наши намерения не простирались дальше обыкновенного катания! Мы, честное слово, были огорчены.

Вскоре наше неудачное плавание прервал свисток, который сердито извещал о том, что испытания окончены и пора ужинать. На линейку мы, понятно, опоздали...

Прошло несколько времени, БСП-2 оборудовали по всем правилам. На корме прежде всего сделали якорное устройство. Для большего удобства команды на плоту имелась оболочка от баллона колеса автомобиля. Вообще наш корабль по своим достоинствам ничуть не уступал Кон-тики. Он обладал приличной грузоподъемностью, большой маневренностью и еще целой кучей неоценимых в почти безводных условиях качеств. Кроме всего прочего, он отличался малыми габаритами. Разумеется, была сооружена для него и пристань. Она, правда, не совсем блестяще была отделана и часто служила нам обычным мостиком для стирки, но плот на это не обижался.

А когда мы уезжали, то воем очень не хотелось расставаться с ним, но делать было нечего: плот остался на попечение местных ребятишек.

И теперь мы всякий раз, пройдя по набережной и посмотрев на какую-нибудь лодку или даже речной трамвайчик, которых все-аки немало на нашей Москва-реке, непременно будем вспоминать нашего общего любимца – БСП-2.

ТБ

Т.Б. – техника безопасности, очень нужная и полезная наука. Без знания этой самой Т.Б. опасно иметь дело с любым рабочим инструментом и прежде всего с лопатой. Да, не удивляйтесь, с обыкновенной лопатой. И в этом мы убедились на собственном опыте.

Когда лопата находится в руках другого человека, кажется, что работать ею не составляет особого труда, но как только она оказывается в ваших руках... Все 33 несчастья сыплются на голову, спину, нос, зубы и бока стоящего рядом товарища. Не имея никаких на то определенных намерений, можно сделать калекой своего лучшего друга, но все это продолжается до того момента, пока вам не будет прочитана лекция по Т.Б. Словно по волшебству, лопата как бы прирастает к вашим ловким рукам, и с этого момента жизнь, покой и, самое главное, внешний вид ваших товарищей – вне опасности.

Это относительно лопаты. Хуже обстоит дело с машинами, со скрепером хотя бы. За примером далеко ходить не надо. Возьмем случай с Мишой Сомовым. Скрепер, попросту говоря, припер нашего героя к стенке, и Михаил спасся от верной гибели лишь благодаря своей ловкости. Но не все ведь такие. И вот, вместо того чтобы карабкаться на стену траншеи, стесывая эмаль на зубах и почти их ломая, как это наверно, делал Сомов, знающий Т.Б. человек взял бы камешек побольше и долбанул бы в стеклышко кабины покрепче – как то и предписывает инструкция по Т.Б., – и ничего бы не случилось!

Ну, а взять экскаватор. Коли ты знаешь технику безопасности и вдруг окажешься под сорвавшимся ковшом, то спокойно останешься стоять на месте. Ну а другой побежит вперед и... Да, брат, Т.Б. – это не шутка.

Суундук

Воскресение 11 числа было по-степному солнечное и жаркое. Мы сидели в открытой машине. Речное осталось позади, кругом степь. Машина едет на Суундук.

Уважаемые читатели, вы, наверное, не представляете себе, что такое Суундук.

Сундук – небольшая, но быстрая река. При небольшой длине (около 150 км), она является довольно значительным левым притоком р. Урал в его верхнем течении. На своем пути река Суундук принимает несколько притоков, крупнейший из которых р. Джуса.

При впадении Суундука в Урал в 1933 году была открыта неолитическая стоянка, где были найдены остатки кремневых орудий, каменные наконечники для стрел и др.

Вот что такое Суундук.

Кроме нас, в кузове сидит несколько местных жителей, отправляющихся в Кваркено – районный центр. Много в машине местных ребятишек-рыбаков. Рядом с нами сидит казахский мальчик Рауль. Его черные глаза смотрят совсем по-взрослому. Он очень спокоен и рассудителен. Именно от него ребята узнали, что Суундук богат рыбой. Напрасно загораются глаза у наших рыболовов; рыболовных снастей у них нет. Все мы с нетерпением ждем того момента, когда покажется неведомая нам река. Вот поворот, потом другой и вдалеке видна серая лента реки, берега которой сплошь покрыты ивняком. Огромный наш восторг вызывают скалы на левом берегу.

И вот мы на Суундуке. Каждому не терпится искупаться в его прохладной воде. На противоположной стороне реки все увидели глубокую лагуну. Искупаться было решено там. Ваня Селин, оставшись в плавках, решил было перейти на

другой берег, но едва удержался на ногах, войдя в воду по колено. Вот какое быстрое течение.

Здесь-то Виталий Владимирович и рассказал нам второй раз о способах перехода горных рек и продемонстрировал некоторые из них на собственном примере. А несколькими минутами спустя все с блаженными лицами бултыкались, ныряли, плавали в воде лагуны. Время шло незаметно.

После купания мы отправились «в поход» за клубникой, которой здесь несметное множество. Клубники было столько, что мы не управились бы с ней до самого вечера, но пора было возвращаться в лагерь. Напоследок мы сфотографировались на скале. Возвращались в Речное к вечеру довольные и голодные. Почти у каждого в руках была наполненная ягодой кепка, майка или просто кустики дикой клубники.

Замечательно, что во время этой поездки мы впервые за все дни увидели деревья. Это были небольшие берески и осинки с искривленными, вероятно от сильного ветра, отводами.

Рыба

Еще в Карталах мы узнали от геолога, что река Суундук, в нескольких километрах от которой мы должны были жить, богата рыбой. Пробыв в Речном некоторое время, Виктор Белов послал в Москву письмо с просьбой прислать бандеролью удочки. Мы с нетерпением ждали. И вот Александр Бобров, сопровождаемый свитой рыболовов, идет получать бандероль. Наконец она в наших руках. Не мешкая, разделили между рыболовами все крючья и леску.

В следующее воскресенье мы отправились на Суундук. Перво-наперво искупались, срубили удилища. Накопать червей ничего не стоило. И вот удочки с насадкой уже в воде. С трепетом мы вытащили по первой рыбке, Боцман, который вешал рыбу на кукан, стал носиться как метеор от Кулагина и Белову с Атапиным и обратно. Наконец, обессиленный, он опустился на песок. Хоттабычу надоело промышлять на одном месте, и он пошел на поиски более крупной наживы.

Через некоторое время раздались восторженные восклицания. Все повернули головы и увидели сияющего Атапина, который нес небольшую щуку под победные крики местных ребятишек. Уходя домой, мы, разумеется, сфотографировались вместе с рыбой.

Накануне все ездили на экскурсию в Коскуль, к геологам, которые угостили нас воблой собственного изготовления. В этот раз и нам представился случай самим сделать воблу. Придя с Суундука домой, мы не стали медлить и, выпотрошив рыбу, опустили ее в рассол. На следующий день Коля Кулагин повесил рыбу вялиться. Мы знали, что она из наших рук никуда не уйдет, и стали терпеливо ждать, когда же рыба станет воблой.

Это случилось уже в поезде, и наш завхоз по питанию нашла ей довольно удачное применение.

Взрыв

Время летит страшно быстро. Кажется, что мы только вчера приехали, а на самом деле мы живем здесь уже много дней. С каждым часом все дальше уходят дорожные воспоминания, они забираются куда-то далеко-далеко, уступают свое место другим, но я знаю, пройдет совсем немного времени и в нашем тесном кружке зазвучит веселый смех, а когда к нам подойдет заинтересовавшийся прохожий, то все повернут к нему головы, а кто-нибудь скажет: «Когда мы ехали на Урал». Но это все будущее, а сейчас мы на Урале.

Мы постепенно привыкли, что каждый день нужно выходить на работу, привыкли к бульдозерам, скреперам, экскаваторам, но все равно новых впечатлений столько, что очень трудно успеть все запомнить.

Приняли нас в партии прекрасно. Сколько мы здесь живем, а каждый день чувствуем какую-то заботу о себе.

9 июля мы вышли на работу. Если б вы знали, как мы ждали этого дня. Нам все время казалось, что наш день проходит пусто, бесцельно. Было даже немножко скучно, хотя за эти 5 дней мы осмотрели многое, мы, собственно,

получили представление о тех работах, которые велись в Теренсайской партии, везде почти побывали, все увидели своими глазами.

Самым интересным из наших впечатлений был, конечно, взрыв. Никто из нас раньше не видел взрыва, разве только в кино. Сначала мы были свидетелями всех «зловещих приготовлений». Все началось с того, что к месту взрыва были доставлены взрывчатое вещество (аммонит), шнуры и детонаторы. К этому времени двое рабочих пробили шпуры, куда взрывник и заложил взрывчатое вещество, затем протянул бикфордов шнур к детонаторам и соединил их. Все было готово.

Как мы ни хотели остаться поближе, чтобы лучше увидеть величественную картину взрыва, нас отправили в безопасную зону метров за 800 от места взрыва. Затем подрывник проверил все вторично, объехал вокруг и... поджег шнур...

Секунда, две, три, пять... десять... сорок... Огромные массы земли, камни полетели вверх, и вслед за этим раздался грохот. Мы сидели с восхищением глядя на это зрелище. И, возможно, некоторым из нас вспомнились кадры из фильмов о Второй мировой войне, где взрывы несли только смерть и разрушение. Другие, глядя на взрывы, думали, какую пользу может принести взрыв советским людям, строящим коммунизм в нашей стране, заменяя сотни рабочих рук, помогая открывать все новые и новые тайны земли. Мы ехали со взрыва взволнованные этим зрелищем.

И в то время мы даже не решались думать, что нам когда-нибудь придется самим поджигать бикфордов шнур.

Самостоятельный взрыв

Прошел, пожалуй, месяц с того дня, когда мы видели взрыв. Мы многое узнали, кое-чему научились, считали себя заправскими рабочими и ничему почти не удивлялись, но когда вдруг узнали, что нам разрешат самостоятельно подготовить взрыв, то, конечно, нашим радостям не было конца.

Геологи подобрали приличную жилу, и наши ребята принялись бить шпуры. Работа подвигалась довольно медленно, оттого что им приходилось иногда пробивать твердые породы, но вот настал день, и все мы отправились на «нашую» жилу. Там уже стояла машина геологов, а вскоре на смирной лошаденке подъехал взрывник с аммонитом. Нас никуда не прогоняли, а даже наоборот все показывали и разрешали самим производить закладку, соединять бикфордовы шнурсы.

Все было готово. Оставалось поджечь шнур. Мы отошли в сторону, облюбовав себе горочку, но Владимир Федорович увел нас на 50 метров дальше и, кто знает, быть может, это спасло кое-кому из нас жизнь.

Я не буду описывать впечатление от второго взрыва, но скажу, они были сильнее, чем первые. Когда раздался грохот и кверху поднялись клубы пыли, камня, то на ту самую горку отлетел здоровий булыжник и подмял под себя все. А после взрыва мы несколько раз приходили туда, чтобы собрать красивые кристаллы, некоторые из них вы можете увидеть в нашей коллекции.

Поездка на шурфы

Знакомясь с работой Теренсайской партии, мы совершили экскурсию на шурфы, где нам прочитали небольшую лекцию на тему: «Проходка горных выработок». После этого одному из нас разрешили опуститься в шурф. Спуститься посчастливилось мне.

Но прежде позвольте познакомить вас с шурфами. Шурф представляет собой вертикальную шахту, глубиной до 14-16 м, закрепленную крепями. У нижнего основания шахты пробиваются рассечки – горизонтальные выработки, которые так же крепятся. В рассечках работают забойщики. Мне и предстояло ознакомиться с их тяжелым трудом. Подходя к колодцу шурфа, я услышал стук отбойного молотка. Это где-то в глубине работал забойщик...

И вот я в специальной корзине, которая стала медленно спускаться вниз, движимая лебедкой. Перед глазами поплыли

крепи, сквозь которые кое-где стала пробиваться бледно-зеленая травка, ласточкино гнездо с четырьмя яичками. Через минуту корзина тихо ударила о дно шахты, и я вылез оттуда. Корзина пошла вверх, и я остался один с невидимым в темноте забойщиком, который продолжал мерно работать кайлом.

Вверху остался квадратик хмурого неба, по которому плыли рваные сизые облака. Вдруг забойщик прекратил свою работу и, обернувшись ко мне, сказал: «Спички есть?». От неожиданности я вздрогнул. К сожалению, спичек у меня не оказалось, и через несколько минут их спустили сверху. Забойщик зажег карбидку, и колеблющийся свет лампы озарил рассечку. Первое, что бросилось мне в глаза, был он сам, стоявший по колено в мокрой липкой глине, со шлемом на голове, с кайлом в руках.

Постояв некоторое время, он продолжил свою работу. Ловко орудуя где кайлом, где отбойным молотком, он постепенно вгрызался вглубь.

В этой трудной работе его не страшило ничто: ни холод (а в рассечке было очень холодно, на мой взгляд (у меня даже кончики пальцев побелели)), ни холодная вода, мерно капавшая со стенок и потолка рассечки.

И я невольно проникся уважением к этому человеку, к его нелегкому, опасному, полному неожиданностей труду.

Теленок

Среди коллекций, которые мы привезли о Урала, посетитель нашей выставки-отчета, наверное, обратит свое внимание на довольно странную коллекцию состоящую из двух экспонатов. Внимательно присмотревшись и не без помощи экскурсвода, наблюдательный человек узнает в экспонатах остатки тренировочных брюк и мужского галстука. Эти экспонаты могут вызвать на почве неправильной оценки обстоятельств смех. А смеяться-то нечему! Это короткая печальная история.

Однажды, вернувшись с работы, наш Виталий Владимирович увидел собственные тренировочные брюки в ажурную сеть. Такая же участь постигла и шелковую майку.

Галстук был изъеден наполовину. Долго мы высматривали дерзкого вредителя и наконец обнаружили. Это был бык ростом больше метра с двумя большими ушами и длинным хвостом.

И не стало житья нашим дежурным с тех пор, как повадился к нам этот крупный рогатый скот. Почему хищник выбрал себе всего лишь одну жертву? Не знаю. И мне хочется от лица всех участников УГЭ передать Виталию Владимировичу наши искренние соболезнования по поводу понесенных им утрат и на этом закончить свой рассказ.

Ночные гости

Так мы жили весело и дружно. Утром часиков эдак в 7 раздавался пронзительный свисток дежурного инструктора, и через 5 минут наша «босоногая команда» с заспанными лицами отправлялась на зарядку.

Потом мы, умытые наконец, выстраивались снова и покидали лагерь: мы уходили на работу. Иногда кое-кому попадало за незастегнутый вход в палатку — до первого замечания многие считали это излишним.

По воскресеньям появлялся очередной номер нашей газеты «Степь да степь кругом». И, наверное, выпуск нашей собственной газеты давался нам с самым большим трудом.

Больше всех страдал, разумеется, бедняга-художник. Подумайте только: заголовок сделать надо, карикатуры тоже! И все это он один делает. А потом от него еще и творческой мысли требуют. Где уж тут развернуться!

Несмотря на все обиды, Кулагин и Доровская честно сидели над газетой и возвращались из поселка очень поздно, особенно в субботу, потому что вначале наша редакция работала, придерживаясь известного принципа: никогда не делай сегодня того, что можно отложить на завтра. На воскресенье у нас откладывать не полагалось.

* * *

Это была обычная предвоскресная «газетная» суббота. Сразу после ужина как ветром сдуло наших газетных

деятелей: ушли доделывать газету. Как и следовало ожидать, они не вернулись и к вечерней линейке. Пришлось мне отправиться в поселок. Было что-то около одиннадцати. Кажется, наклевывался конец всей работы. Оставалось еще совсем немножко попыхтеть перед сонными хозяевами, и мы уходим в лагерь.

Ночь была темная, безлунная. Мы шли, спотыкаясь, по едва освещенному поселку. Наконец вышли на столбовую дорогу, ведущую прямо в наш отдаленный от всего электрического, кроме, пожалуй, фонариков, лагерь. Только здесь ноги обрели более или менее твердую почву, и мы почувствовали себя спокойнее.

Лагерь, по-видимому, спал. Около палаток не было ни души. Мы тоже собирались спать и, позевывая, забрались к себе. Был уже первый час ночи.

Дальше события развертывались ничуть же хуже, чем в каком-нибудь приключенческом фильме.

Тамара подошла к хозпалатке, собираясь попить. Там всегда стояло ведро с водой. В палатке кто-то завозился.

— Виталий Владимирович, это Вы?

В глаза ей ударил свет небольшого квадратного фонарика, и в ответ раздался грубый мужской голос. Слов Тамара уже разобрала. Она бросилась вон из палатки. Потому, видимо, что испугалась, она не разбудила Виталия Владимира, а прибежала в свою палатку и очень сбивчиво и быстро рассказала о случившемся.

До меня не сразу дошел весь смысл ее слов. Поняла только, что что-то не в порядке. В руках оказался электрический фонарь. Чуть приоткрывая вход палатки и вижу впереди, около «дворца», медленно, оглядываясь и согнувшись, движется темная фигура. Пытаюсь осветить. Луч фонаря не достает. Как только фигура скрывается за углом, бегу туда. Никого.

Быстро разбудили Виталия Владимира и еще двоих. По степи шарят лучики электрических фонарей. Никого. Общая тревога. Цепочкой обходим лагерь. Никого.

Возникают какие-то сомнения, но я могу спорить, что видела уходящего человека.

Вскоре проводится, если можно сказать, обследование хоппалатки. Все рюкзаки развязаны, у входа лежат новые кеды Борисова и электробритва Виталия Владимировича. По всей палатке разбросаны личные вещи ребят, на полу рассыпаны обыкновенные подсолнечные семечки.

Теперь ясно видно, что здесь был кто-то чужой. Проверено все. Все пока цело. Спать никто не мог. Мы собирались вместе и долго-долго сидели на скамеечке, немного посмеиваясь и строя различные версии случившегося. Что делать дальше? Этого еще никто не знал, но одно не вызывало сомнений: в лагере нужно установить круглосуточное дежурство.

Все разошлись. Не скамеечке остались первые вахтенные Виталий Владимирович и Миша Сомов. Но нам не суждено было уснуть и в этот раз.

Мы с Галей уже собирались забраться я палатку, как вдруг увидели, что к лагерю вновь кто-то подходит. На этот раз незнакомца ждали, но и он был более осторожен. Он залег в двух десятках метров от палаток.

Вахтенные слышали лишь щелканье семечек на зубах этого гражданина.

Снова общая тревога. Неизвестный задержан. Он рассказывает нам 40 небылиц относительно своего пребывания в пределах лагеря, и мы ему «верим». Мирно расстались с этим человеком, но на следующий же день нам становится известно, что наш ночной гость – рабочий партии Иван Королев, и теперь его может узнать любой из нас.

Вначале дежурство было для нас своего рода развлечением, каждому хотелось дежурить в самые темные часы.

Спокойно прошло несколько ночей, но однажды вечером Виталий Владимирович удвоил вахту, и не знаю, как получилось, но гости пришли именно в эту ночь.

С 2 до 4 дежурили Ваня Селин с Атапиным, так уж вышло, но это были самые маленькие члены нашего отряда.

Дежурство только началось, когда вдруг мальчики увидели двоих. Медленно они приближались к лагерю. Саша разбудил Виталия Владимировича.

Незнакомцы долго проверяли, есть ли в лагере дежурные. Они громко разговаривали за палаткой, но все было тихо. Тогда они вышли.

Дальше все было просто и совсем обыкновенно. Откуда-то появился перед ними человек и очень вежливо попросил дальше не ходить и с места вообще не трогаться. Где-то сбоку стоял Атапин, держа наготове лопату, а сзади Ваня. Потом раздался пронзительный свисток, и не прошло 10-ти секунд, как палатки одна за другой решительным хлопком начали распахиваться, а оттуда вылетали наши ребята, на ходу они хватали лопаты, кайла и топоры. И через несколько секунд молча встали вокруг задержанных, готовые в любую минуту дать отпор этим людям, неизвестно зачем и почему пришедших этой ночью к нам в лагерь.

Тогда мы их снова отпустили, хотя цели, с которыми пришли к нам темной ночью, у нас не вызывали сомнений,

Теперь уже декабрь, мы давно вернулись в Москву. И мы помним много хорошего о нашей уральской жизни.

Но иногда я вспоминаю и эти тревожныеочные дежурства. Впервые нам пришлось тогда встретиться вплотную с нехорошими, нечестными, гадкими людьми, но мы сумели постоять за себя, за своих товарищей. И пусть порой нам было трудно после напряженного дня работы и учебы, встав ночью, принимать дежурство, важно другое, каждый чувствовал, что он охраняет сон своих товарищей и даже, может быть, их жизнь, и от того, что ему доверена жизнь товарищней, которые в нужную минуту станут рядом плечом к плечу, с которыми нигде и никогда не страшно, от того каждый становился в 12 раз сильней, в 12 раз честней, в 12 раз отважней. И я думаю, мы ничего не потеряли, а только стали дружнее и, может, чуть серьезнее.

Два часа под землей

В четверг 11 августа мы побывали второй раз на шурфах, Но теперь это была уже лекция, а не первое знакомство с партией. И вот мы едем на грузовике, качаясь из стороны в

сторону, по ухабистой степной дороге. Вдали показались сооружения, очень напоминающие обыкновенные колодцы, с воротом наверху. Они быстро приближались. Через несколько минут машина остановилась. Мы на месте. Быстро соскочили с машины и во главе с Валентином Александровичем подошли к шурфу Озлова, к самому сухому шурфу.

Лекция предстояла необычная. То есть необычным было место лекции — рассечка. Еще ни разу наши занятия не проводились под землей, на глубине 40 метров. И теперь нам всем предстояло спуститься в шурф. Первым приготовился к заветному спуску Борисов; для страховки он облачился в робу, забойщик Озлов надел на Сергея специальный пояс, прикрепленный к тросу. Ворот заскрипел, и Сережка поплыл вниз, стоя в корзине. Таким же образом опустились и другие.

Как сказал мне Виталий Владимирович, это было интересное зрелище, этот спуск. Почти у каждого из нас можно было прочитать на лице все: и испуг, и боязнь высоты. Но, как бы то ни было, спуск прошел благополучно.

Все мы собрались в рассечке, и при ярком свете карбидки началась лекция. Я не буду рассказывать, как она проходила, могу сказать лишь одно: «Лекция прошла интересно». А потом нам разрешили поработать отбойным молотком. Как интересно было первый раз в жизни, да еще под землей, сжать рукоять молотка, быстро вгрызшегося в породу!

И под грохот отбойного молотка невольно возникала мысль о нашем техническом росте — ведь в первый раз опуститься в шурф разрешили лишь одному человеку, а теперь все мои товарищи побывали в шурфе, да к тому же поработали отбойным молотком! Как же не говорить о нашем техническом росте!

Мы уже около месяца живем и работаем в партии. Срок довольно большой. Вокруг много интересного, но времени очень мало, и мы бы, наверное, ничего, совсем ничего не успели посмотреть здесь, если бы не геологи. Несколько раз — то по нашим просьбам, то по собственной инициативе — они выделяли машину для наших поездок. Так мы

побывали на Суундуке, осмотрели многие выработки и многое другое. Особенно интересной была поездка в Коскуль.

* * *

Самосвал мчит нас по степной дороге. Свободной бортовой машины в тот день в партии не оказалось, и теперь мы сидим на самосвале, взяv под руки друг друга: это чтобы не вывалились те, кто сидит у борта.

Горизонт проворно убегает вдаль, а то, что казалось минуту назад далеким, пролетает под колесами машины, и не успеваешь иногда даже хорошенъко рассмотреть.

Перед нами уже ставший в какой-то степени привычным степной ландшафт, но все равно дикий восторг Хоттабыча вызывают обычные суслики, которые нет-нет, да и вылезают навстречу машине.

Но вот впереди показалась черная полоса вспаханной земли. Это поля комсомольского целинного совхоза «Советская Россия». Столько мы слышали, читали и говорили о целине, что эта черная полоса невольно приковала наше внимание. И все сразу вспомнили, что и мы немного потрудились на полях этого совхоза-гиганта.

Машина мчалась вперед. Вскоре мы проехали поселок Коскуль, находящийся в 25 км от Речного. Этот поселок построен недавно, там всего 45 или 50 домов.

Едем дальше. Промелькнули холмики, покрытые молодым кустарником, и снова степь, желтая, выжженная солнцем степь. Вот дорога свернула в поле. По обеим ее сторонам волнуется пшеница. По полю пробегают огромные, словно морские, волны. Ты всматриваешься вдаль и не видишь ни конца, ни края. Кругом желтизна степи, прерываемая зелеными полями пшеницы.

Вдали показался лагерь геологов, разбитый в красивом месте: серые скалы, почти вплотную подошедшие к воде,казалось, раздвинулись лишь для того, чтобы освободить место для лагеря. Река Якши-Акжар, точнее, озеро с прохладной водой, заросшей камышом и лилиями.

Перед палатками изобретение геологов – два огромных камня, заменяющие очаг. Приехав на место, мы выстроились в цепочку во главе с нашим лектором, геологом Николаем Евгеньевичем Волковым, и по узкой тропинке пошли к месту занятий – хлорифовым скалам. Николай Евгеньевич рассказал нам про обнажения, про залегание пластов, научил пользоваться буссолью. Таким образом, наш багаж знаний несколько пополнился.

После своеобразной лекции мы поехали на жилу, где собрали много различных образцов. К вечеру снова вернулись в лагерь геологов, которые угостили нас вяленой рыбой. Тогда-то и возникла идея самим навялить рыбы.

Перед ужином (мы взяли с собой сухой паек) мы искупались. В Якши-Акжаре вода была теплая. После ужина отправились в Речное, куда и приехали поздно вечером.

* * *

Всем! Всем! Всем! Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте! Дорогая наша администрация, уважаемые педагоги, надоевшие вам наши родители и персонально Наталья Денисовна и Михаил Сергеевич!

Прежде всего, считаем нужным сообщить вам, что все мы, слава аллаху, живые, здоровые?!. Но... никто не знает, что будет через час. Вы на Большой земле, видимо, представляете сейчас себе нас и наши маленькие палаточки, стоящие на каком-нибудь скальном выступе. Внизу ревет горная река, а где-то совсем рядом резвятся горные архары.

Но, как говорится, жизнь причудливей и коварней любой фантазии. Сначала мы жили во дворце готического стиля, который, к величайшему нашему сожалению, был рассчитан только на десять персон, поэтому остальным трем нашим товарищам приходилось размещаться во флигеле.

«Наш дворец» – весьма древнее и примечательнее сооружение, которое вопреки всем правилам архитектуры держится всего лишь на одной опоре и при первом незначительном ветре многозначительно покачивается.

Насколько мы осмеливаемся предполагать, в древние времена правое крыло нашего «дворца» занимали астроном-

мы. До сих пор сохранился древний планетарий с прекрасным видом на «Большую медведицу». И все товарищи искренне завидовали Володе Чернавцеву и Саше Атапину, которые в ясную погоду имели возможность круглосуточно поддерживать приятельские отношения с Марсом. По последним агентурным данным, магнат под большим секретом тонко им намекнул, что в солнечной системе имеется еще одна, до сих пор не известная людям планета.

Да, в ясную погоду мы чувствовали себя настоящими фонбаронами. Но в дождь... Ох, уж этот нам дождь! Даже такие литературные киты, как Ломоносов и Тургенев, давшие такую высокую оценку описательным возможностям русского языка, не рискнули бы изложить вам все то, что происходило с нами в дождь.

Достаточно сказать, что наш местный Хоттабыч потерял бесполезно последний волос из своей бороды в дождливую именно погоду. А так как для того, чтобы у него выросла новая борода, из которой не стыдно и волосок выдернуть, нужен срок, да к тому же с ветроводной системой знаком лишь наш почтенный боцман Юра Иванов, то мы недавно спрелили новоселье. Весь «дворец» переехал в маленькие палатки. Это принесло двойную пользу: старикан Марс не сможет больше морально разлагать наш здоровый коллектив, а «дворец» мы сможем использовать в чисто научных целях.

Уже началась усиленная подготовка работоспособных кадров. Мы прослушиваем цикл лекций (пока лишь по геологии и коневождению) и надеемся, что штат нашего дворца будет окончательно утвержден к тому времени, когда мы получим 2-й производственный разряд.

В свободное время наши шахматные светила время от времени гремят пешками и под ухом изредка скрипит плохо отточенный карандаш художника-мазилы Кулагина: он выпускает очередной номер ненавистной газеты, которая совершенно справедливо называется «Степь да степь кругом...».

Да... вот собственно развязка всего спектакля: степь да степь кругом... Ни одного кустика, ни одного деревца в радиусе 108 км! Мы не совсем к этому еще привыкли после полноводной Оки и густых подмосковных лесов, но нам здесь нравится.

И мы надеемся, что приехав в Москву, привезем с собой много интересного.

С сердечным приветом,

УГЭ

Орлы

Наш лагерь расположен в степи, и мы каждый день имеем возможность наблюдать полеты степных орлов. Это зрелице привлекает внимание всего отряда и стоит в небе появиться орлу, как взоры устремляются вверх, чтобы проследить за полетом гордой птицы. С замиранием сердца следили мы за свободным парением. Но никто из нас не мог даже мечтать о том, чтобы приручить или хотя бы поймать орла. Однако такой случай представился.

В тот день мы работали на отвале. Машин почему-то не было. Мы отдыхали, усевшись на самой верхушке отвала, когда вдруг на дороге появился маленький всадник. В руках у него было два орленка. У нас загорелись глаза, и вскоре Хоттабыч самым цыганским способом не замедлил конфисковать большого орленка. Через некоторое время он, сияющий, явился в лагерь. У другого орленка был сломан палец, и ребята бросили его в кусты. Мы решили взять его себе и вылечить. Кто-то понес орла в лагерь, а оставшиеся с нетерпением ожидали конца работы. Наконец рабочий день кончился.

Вдоволь налюбовавшись орлами, мы вспомнили, что их нужно кормить. Попробовали дать хлеб. Ничего не вышло. Тогда открыли банку тушеники и снова попробовали дать орлятам. Опять ничего не вышло. Нужны были особые способы кормления, и тут отличился Селин. Он, изображая орлицу, налетал на орленка, тот открывал рот, и там тотчас оказывался кусок тушеники. На другой день тушеника испор-

тилась, а орлята требовали пищи. Тут кто-то догадался, что орлы — хищные птицы и поедают животных. А так как из животных в степи больше всего сусликов, то ребята пошли их ловить.

Сначала показали орлятам мертвого суслика. Первым освоился маленький. Кулагин давно говорил, что из него выйдет толк, и тут орленок доказал, что он действительно толковый. Встав на суслика, он хотел было съесть его, но толстая кожа не давала малышу подобраться к мясу, орленок был еще слишком слаб. Мы обезглавили суслика и снова дали орлятам. Маленький подскочил к суслику и сразу же жадно начал клевать.

Вскоре освоился и большой. Все были рады, что орлята принимают пищу и теперь нужно лишь ловить им сусликов. Труднее было с жилплощадью.

Сначала мы держали орлят в корзине, где им сделали гнездо. Большой несколько раз порывался убежать, но его все время ловили. Все понимали, что держать орлят в корзине невозможно, и мы соорудили им клетку. Но из этой клетки орлята высакивали так же свободно, как из корзины, так как проволока легко отгибалась. Пришлось нам переплести ее между собой особым образом, однако и это не очень помогло.

К тому времени наш «дворец» был снят. На его месте была сооружена новая клетка.

Прошло некоторое время. Орлы чувствовали себя превосходно. Все ребята, а особенно Виталий Владимирович, очень привязались к ним и были страшно огорчены, когда однажды поздно вечером, возвращаясь с экскурсии, узнали, что большой орленок улетел. Любовь орлов к свободе перестала быть для нас только громким словом.

Теперь за каждым орлом, который появлялся вблизи лагеря, направлялась погоня. Нам хотелось поймать беглеца. Однажды наше внимание привлек орел, который покружившись над лагерем, сел около клетки. При попытке подойти к нему, орел снялся и улетел. Мы несколько раз пытались взять его, но каждый раз неудачно.

Наконец догадалась, как это сделать. Положив суслика около клетки, мы погнали орла на лагерь, тот покружился над ним и сел на суслика. Все затаили дыхание. В это время Виталий Владимирович очень осторожно подошел и совершенно невозмутимо взял орла в руки. С тех пор они стали большими друзьями. Мы были довольны и поняли, что орлы — благодарные птицы. После этого случая орла выпускали, и он снова прилетел раза четыре.

Но вот случилось то, чего мы опасались — орел не прилетел. Любовь к свободе победила привычку, и он не вернулся. Мы были огорчены, но все же надеялись. А вскоре ребята загорелись новым желанием: иметь большого орла.

Дело в том, что наши орлы — не единственная разновидность в степи. Наших местные жители называют копчиками. Были еще и большие орлы, иметь которых хотели все наши ребята. И вскоре это удалось.

Однажды группа ребят играла в поселке в бильярд. Вдруг их внимание привлек мотоцикл, на котором сидели два человека, один держал за крылья орла. Вскоре мотоцикл остановился. Когда мы подошли, орел лежал на земле (9 км его везли по ухабам, держа за крылья). Рабочий пихнул орла ботинком. Орел встал. Когда его еще раз пихнули, он схватился лапой за ботинок, пронзив когтями подметку. Закусив губу от боли, человек другой ногой ударил орла по голове. Тот откинулся назад, но не разжал когтей, тогда его еще раз ударили, и птица распласталась на земле. Тут ребята подхватили орла и унесли в лагерь.

Бедняга чувствовал себя очень плохо. Первые дни он лежал неподвижно. Крылья были поломаны и болели глаза, один глаз был совсем плохой, другой еще подавал надежды. Но когда орел смог ходить, мы убедились, что и второй глаз его не видит, так как он постоянно натыкался на различные предметы. Отпустить его мы не могли, так как на воле его ждали смерть от голода или еще от чего-нибудь, поэтому мы решили избавить его от мучений. Перед отъездом его застрелили.

Но мы все-таки привезли двух орлов в Москву. Одного нам подарил сын главного геолога партии Арик. Вторым

был наш «маленький». В Москву орлов везли в самодельных клетках. За основу был взят ящик из-под аммонита. Под крышкой была решетка, а крышку можно было отодвигать, чтобы орлы не задохнулись. «Маленько-му» клетка была в самый раз, а большому – несколько тесновата. Поэтому его пришлось выпустить из клетки в Оренбурге, и вокруг тотчас собралась толпа. В вагоне большой орел ехал в ящике под сиденьем. Это было связано с некоторыми неприятностями, но несмотря на них, орел спокойно доехал до Москвы.

На следующий же день до приезде в Москву все собрались, чтобы решить некоторые вопросы. В числе их был вопрос о том, что делать с орлами. После продолжительных споров было решено подарить их московскому зоопарку. Первой на разведку поехала наш зоолог.

А большой орел, вдоволь наглядевшись на невиданные растения, которые на нашем языке называются деревьями, и напугав всех окрестных кошек, с гордо выгнутым клювом сел вновь в свою тесную ящик-клетку и поехал на такси домой к Виталию Владимировичу, где тут же арендовал балкон. Однако Земская спасла положение. Она, явившись в зоопарк, заявила, что мы привезли копчика и беркута. После этого мы привезли наших орлов.

Тогда выяснилось, что копчик – это не копчик, а луговой лунь, беркут же оказался азиатским курганником. Луней в зоопарке не было, и нашего «маленького», которого мы успели переименовать в «Туриста», взяли. Курганнику тоже, видимо, нашлась работа. Его взял КЮБЗ – клуб юных биологов зоопарка.

За обоими орлами остались старые клички «Турист» и «Уран», а нам вручили благодарственное письмо.

Наш лагерь

Лагерь стоял опустевший, грустный. На мачте еще развевался маленький, выгоревший на солнце вымпел, но не было уже доски объявлений, не выравнивались в веселом строю

палатки. Ну что, казалось бы, здесь особенного. И как все-таки дорог нам и этот стол, и печка у обрыва, и все-все-все. Посмотри вокруг, дотронься до любой вещи — все сделано нашими руками.

Когда мы впервые пришли на будущую территорию нашего будущего лагеря, там стояла одна-единственная старая-престарая ветхая, дырявая палатка, а кругом была высокая трава, со множеством разных насекомых. Но так жили недолго. Дня через два мы немножко пообыкнули, и стало как-то неудобно жить без доски объявлений и, например, без... стола. И вот напротив «дворца» — так звалась большая палатка — появилась черная доска. После некоторых «недоразумений» на ней появилась надпись «доска объявлений».

А прошло еще немного времени, и наши ребята смогли пользоваться услугами прессы. Но это еще не все. Ведь всю «мебель» от полки для книг и до стола сделали наши мальчики. Правда, одна скамейка (та, что чуть-чуть повыше другой) стоит немножко далеко от стола и на ней сидит как раз Атапин. Но это все ведь пустяки.

А посмотрите, ну хотя бы на печку. Может быть, она покажется кому-то и неуклюжей, и непрочной, но нам она нужна именно такая, потрескавшаяся от ветра и дождя, неумело, но с любовью сложенная.

Мы уезжаем отсюда сегодня и ничего не можем увезти с собой, кроме верхушки мачты, но я знаю совершенно точно, что любой из нас даже без фотографий будет помнить и палатки, и мачту, и стол, и печку. Пройдет месяц, два, три, год, и на каких-нибудь зимних сборах кто-нибудь из бывших уральцев вспомнит: «А где-то теперь наш плот? Может, и расколотили его на дрова... А давно ли развалилась наша печушка?» Тогда «двойной фрукт» Кулагин, прищурившись, скажет: «Э, милейший, о чем вспомнили». Потом подумает и добавит: «Белов, а ты помнишь, как пиявок перестал бояться?».

